

Александр Муравский

Во-первых, иудею...

Благовестие еврейскому народу в XXI веке

Александр Муравский

ВО-ПЕРВЫХ, ИУДЕЮ...

Благовестие еврейскому народу в XXI веке

Missionswerk FriedensBote
Миссия Вестник Мира
2015

Александр Муравский. Во-первых, иудею...
© Missionswerk FriedensBote, 2015

Редактор Татьяна Климошенко
Дизайн обложки Сергей Споденюк

Missionswerk FriedensBote
Postfach 1416
D-58530 Meinerzhagen
Germany

ISBN 978-3-937032-94-8

Искренне желаю
выразить глубочайшую признательность
всем тем чудесным братьям и сёстрам в Господе,
которые с верностью, постоянством и любовью
несут Благую весть моему дорогому народу,
названному в Библии как благословенным,
так и жестоковыенным.

Вы продолжаете делать это,
несмотря на крайне слабый положительный отклик
сынов и дочерей Авраама, недостаток понимания
и поддержки других членов церкви, а также
почти полное отсутствие учебных материалов,
полезной информации и навыков,
столь необходимых для служения моему народу.

Более 20 лет назад ваша настойчивость,
терпение и всё покрывающая любовь
растопили и моё каменное еврейское сердце
и дали возможность войти в него Иисусу Христу
как Господу и Спасителю.
Да благословит вас Господь преизобильно!

«О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте...»
Ис. 62,6

Предисловие

Мы с братом Альбертом сидели на обочине пешеходной улицы Агриппас на широком каменном бордюре, прогретом тёплым октябрьским солнцем, разговаривали и ели шаурму, купленную здесь же, у площади раввина Иакова Баруха.

Если вы бывали в Иерусалиме, но не пробовали здешней шаурмы, особенно купленной на улице Агриппас, то я, конечно, не буду вздыхать и говорить, что вы потеряли очень, очень много.

С другой стороны, если скажу, что вы ничего не потеряли, это тоже будет неправда. Потому что там, в этой небольшой закусочной, за ваши кровные пятнадцать шекелей вас не обманут и не обвесят, а положат вам в питу много ароматного жареного мяса, и притом с какими вы захотите салатами и восточными приправами, а затем (разумеется, тоже по вашему желанию) полют всю эту прелесть терпковатой хиной. И сверху ещё украсят ломтиками тающего во рту жареного картофеля.

Кушайте на здоровье! Только салфеток не забудьте попросить побольше.

Как израильские старожилы, салфетками мы с братом Альбертом запаслись как следует.

Брат Альберт был миссионером. Он жил в Израиле меньше, чем я, лет семь или восемь. Общались мы с ним не часто: время от времени перезванивались, а раз в год или полтора, встретившись в Иерусалиме (где я работал) или в Хайфе (где он нёс служение), заказывали что-нибудь достойное из восточной кухни и сидели, разговаривали о жиз-

ни, о последних новостях и о нашем таком непростом служении Господу здесь, на Святой земле.

В этот раз Альберт сам попросил меня о встрече. Сегодня я с самого начала заподозрил что-то неладное. Шаурма была великолепной, погода тоже, а беседа не клеилась. Брат Альберт большей частью отмалчивался или отвечал на мои вопросы однословно. Затем, тщательно вытервшись салфеткой и отведя глаза куда-то в сторону, он сказал:

— Брат Алекс, я уезжаю из Израиля.

Я даже и не понял, что Альберт говорит о чём-то необычайно серьёзном.

— Уезжаешь? Надолго? С семьёй или без?

Брат Альберт, не поворачивая головы и не глядя на меня, произнёс:

— Я покидаю Израиль насовсем. С семьёй, конечно же. И со всеми вещами. Мы уезжаем домой.

Эти слова прозвучали для меня как взрыв ядерной бомбы. Я, запинаясь, пробормотал:

— С семьёй и с вещами? Насовсем? Как это? Почему?

Альберт ответил не сразу. Он посмотрел на проходивших мимо нас студентов религиозной ешивы, одетых в чёрные лапсердаки, на тощего кота, медленно подбиравшегося к нам в надежде получить кусочек аппетитно пахнувшей бааранины, а потом тихо сказал:

— Моя церковь, которая послала меня миссионером в Израиль, отзывает меня обратно. Я не оправдал их надежд. Результаты нашего труда здесь слишком незначительны.

— Что же будет с твоим служением, с твоей церковью в Хайфе? — спросил я тоже тихо.

И тут Альберт взорвался:

— Церковь?! Алекс, ты говоришь о церкви? О какой?! О нашей крохотной домашней библейской группе, которую кроме меня, Руфи и наших детей, посещает ещё четыре человека, да и то нерегулярно? Ты это называешь церковью?!

Он стал говорить много, быстро и возбуждённо. Я тут же понял, что всё, что мне сейчас нужно делать, это набраться терпения, не перебивать и слушать. Слушать столько времени, сколько потребуется.

Брат Альберт сказал, что миссия в Израиле и создание ещё одной церкви на Святой земле – цель всей его христианской жизни. Это было его мечтой и его молитвой на протяжении тех пяти лет, когда он и его жена Руфь готовились к переезду, а потом уже здесь в течение всего процесса медленного врастания в израильское общество и местную культуру, изучения иврита и постоянных попыток благовествовать сыновьям и дочерям Авраама.

Альберт признался, что в беседах со всеми этими дорогими евреями его всегда больше всего поражала их реакция на проповедь Благой вести. Это было что-то совершенно другое, совсем не то, к чему он привык раньше. Он никак не мог свыкнуться с тем, что, как только в разговоре с собеседником он произносил слово «Иисус», в ту же секунду между ними как будто вырастала невидимая стена.

Он ожидал, что его будут слушать не перебивая, вместе читать Библию и принимать его неоспоримые аргументы, кивая головой в знак согласия; что они осознают себя грешниками и со слезами на глазах будут спрашивать: «Что мне делать, чтобы спастись?» Но дорогие евреи задавали ему множество разных вопросов, по его мнению, совершенно ненужных.

Например, они спрашивали, к какой христианской деноминации он принадлежит. Один молодой человек, с которым Альберт ехал в поезде, поинтересовался, зачем он рассказывает другим об Иисусе, кто ему за это платит, сколько он получает в месяц за свою миссионерскую деятельность и как называется организация, на которую он работает.

Некоторые проявляли искренний интерес к тому, что Ветхий Завет говорит о пришествии Мессии. Но как только Альберт пытался цитировать Новый Завет, это почти всегда вызывало крайне негативную реакцию.

Одна женщина сказала, что эта Книга причинила евреям больше несчастья, чем три тысячи фашистов. (Почему именно три тысячи, она не уточнила.)

Другие были не столь категоричны, но и они шарахались от Нового Завета, как от гремучей змеи.

Конечно же, Альберт понимал всю библейскую подо-

плёку происходящего. Он много раз читал в Послании к римлянам об ожесточении и ослеплении, произошедшем в Израиле, о покрывале на сердцах еврейского народа.

Но он также ясно видел, что поля побелели и готовы к жатве. Так почему же за первые два года его жизни в Израиле впервые через его благовестие никто не покаялся, никто не принял Иисуса Христа как Спасителя и Господа, никто не спасся для вечной жизни?

Брат Альберт вспоминал, как прилежно и основательно изучал в библейском колледже всевозможные программы и методы евангелизации и благовестия. Для него стало большим разочарованием узнать на своём горьком опыте, что почти все они в Израиле не работают.

А реальный опыт, который приносил здесь пусть небольшие плоды в проповеди Евангелия, приобретался очень медленно, путём проб и ошибок. Помогали советы местных израильских служителей, знакомивших его с особенностями культуры и менталитета еврейского народа. И как сейчас Альберту было горько осознавать, что за долгие пять лет подготовки к миссии он так и не получил необычайно важные познания о культурных и исторических особенностях еврейского народа и о реально работающих методах благовестия евреям.

К моменту прибытия в Израиль *он ничего об этом не знал.*

Альберт признался, что очень благодарен Господу и радуется за те четыре души в Хайфе, которые покаялись от его проповеди, спаслись и теперь посещают его домашнее собрание. Но для тех огромных, насчитывающих тысячи членов церквей, которые послали Альberta на служение в Израиль, это не показатель. Его друзья-миссионеры, одновременно с которыми он начинал служение лет десять назад, присылали ему фотографии своих новых церквей в Африке, Латинской Америке, Восточной Европе. На снимках были десятки, а иногда и сотни человек.

Четыре человека за семь с лишним лет служения... Это был мизер.

— Нет, ну скажи мне, Алекс, только честно,— закончил